

6+

ЛЮДМИЛА ЯКИМОВА

Инспектор Цуккини Каббаччо и дело №1

ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ САХАРЕ

Людмила ЯКИМОВА

**Инспектор Цуккини
Каббаччо и дело №1.
Дело о пропавшем сахаре**

«Издательские решения»

Якимова Л.

Инспектор Цуккинни Каббаччо и дело №1. Дело о пропавшем сахаре / Л. Якимова — «Издательские решения»,

Умный и серьёзный инспектор Цуккинни Каббаччо со своим помощником Черри Томатто расследуют загадочное преступление: пропажу целого мешка сахара. Главным подозреваемым становится Бананас, хитрый и быстрый злодей. Весь Овощебург приходит в ужас. Но Цуккинни Каббаччо обязательно раскроет это сложное дело.

© Якимова Л.

© Издательские решения

Инспектор Цуккинни Каббаччо и дело №1

Дело о пропавшем сахаре

Людмила Якимова

© Людмила Якимова, 2026

ISBN 978-5-0071-0716-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пропажа века: исчез мешок сахара.

Город Овощебург просыпался медленно, как варёная фасоль: лениво, тепло и с лёгким паром из труб. На главной улице, у здания Полицейского Управления (где на табличке гордо значилось: «Здесь ловят преступников, а не режут лук»), инспектор Цуккинни Каббаччо уже стоял у окна и хмуро смотрел на рассвет.

— Черри Томатто! — рявкнул он, не оборачиваясь. — Где мой утренний стакан томатного сока?!

Из-за двери высунулась круглая голова Черри. Он держал в руках блокнот, карандаш и бутерброд с ломтиком сыра, который подозрительно напоминал по форме помидор.

— Я его... э-э... случайно перепутал с уликой, — пробормотал Черри, краснея. — Там была капля кетчупа на конверте, я подумал, что это кровь.

Цуккинни вздохнул так глубоко, что его зелёные бока чуть не треснули.

— Черри, мы не в сериале про вампиров. Мы в Овощебурге. Здесь кровь — это сок граната, и то только по праздникам.

В этот момент дверь распахнулась с таким грохотом, будто кто-то уронил мешок картошки. В кабинет ворвалась сеньора Мандарини, хозяйка фруктовой лавки. Её шляпка съехала набок, а в руках она сжимала зелёную шапочку от банана.

— Украли! — крикнула она, размахивая шапочкой. — Самый дорогой, самый спелый, самый сладкий банан из моей лавки! Тот, на котором золотом было выведено: «Банан для мэра»!

Цуккинни выпрямился. В его глазах вспыхнул тот самый огонёк, который появлялся всякий раз, когда в городе случалось что-то нелепое, но важное.

— Кто посмел? — спросил он, понизив голос до шёпота, который в Овощебурге считался страшнее sireн.

Сеньора всхлипнула:

— Все знают, что это дело рук Бананаса! Он давно грозился, что «этот банан будет моим, даже если придётся перевернуть весь Овощебург вверх дном!»

Черри Томатто почесал макушку и тихо прошептал:

— А если он и правда перевернёт город... то все огурцы покатаются по улицам. Это будет катастрофа!

Инспектор шагнул к двери, поправил свой зелёный плащ и произнёс торжественно:

— Мы найдём этот банан. И не просто найдём — мы вернём его туда, где ему место: на витрину. Потому что в Овощебурге никто не смеет трогать бананы без разрешения!

Цуккинни и Черри не успели далеко отойти от полицейского участка, как их нагнал перепуганный синьор Тыквелло, пекарь из соседней булочной. Его лицо, обычно румяное и веселое, было бледным, как тесто для бисквита.

— Инспектор! — задыхаясь, проговорил он. — Беда! Из моей пекарни пропал мешок самого лучшего сахара! Тот, что с блестками, для праздничных тортов!

Цуккинни остановился, его рука инстинктивно потянулась к кобуре, где вместо пистолета, по всей видимости, покоился небольшой нож для чистки овощей. «Сахар с блестками...», — промелькнуло в его голове. Это уже не было похоже на обычную кражу фруктов.

— Бананас... — прошептал Черри, его глаза расширились от ужаса. — Он не просто украл банан. Он начал с малого, чтобы отвлечь нас!

Инспектор Каббаччо задумчиво погладил свой широкий подбородок. «Если он действительно замешан в краже сахара, это меняет дело. Сахар... сахар нужен для чего-то большего, чем просто сладкий вкус. Возможно, для взрывчатки? Или... для приготовления зелья?»

Вдруг раздался оглушительный грохот. Из-за угла показался дым, и послышались крики. Оказалось, что один из сотрудников полиции, зелёный перец по имени Чили, пытался использовать свой острый нрав, чтобы «допросить» подозрительного вида редиску. Результатом стала небольшая, но яркая вспышка, окутавшая улицу едким дымом.

Цуккинни лишь тяжело вздохнул. «Похоже, день обещает быть долгим. Сначала банан, теперь сахар, а теперь ещё и самосуд... В Овощебурге спокойствие — это редкий урожай.» Он повернулся к Черри:

— Черри! Иди и выясни, что произошло у Чили. А я займусь поисками нашего сахарного похитителя. Как только закончишь выяснять, догони меня! И помни: никаких кетчупных улик!

Черри кивнул и исчез за углом участка, а Цуккинни отправился с сеньором Тыквелло на его склад.

Глава 2. Склад в сахарной пыли.

Склад сеньора Тыквелло «Сладкий урожай» пахнул так, будто кто-то пролил на пол целую цистерну сиропа с ванилью. На полках было полным полно всяких кондитерских сладостей, а по полу тянулись белые дорожки — будто кто-то пытался нарисовать карту побега и запутался в собственных следах.

Цуккинни присел на корточки и осторожно провёл пальцем по одной из дорожек.

— Сахар, — пробормотал он, рассматривая добытый им материал. — Но не обычный. Слишком крупные кристаллы. И... странно пахнет, — и он шумно втянул воздух своими ноздрями.

Черри просто влетел на склад следом за своим шефом и наклонился, чтобы тоже понюхать след.

— Пахнет... ну, как будто кто-то добавил туда корицы. Или страха.

Цуккинни строго посмотрел на него:

— Страх не пахнет, Черри. Пахнет либо корицей, либо чем-то ещё. И нам нужно понять, чем именно.

Он достал лупу и начал осматривать пол. Через минуту его палец застыл над маленьким предметом.

— Смотри! — тихо сказал он. — Кожура банана. Но не целая. Обрывок. И на нём... отпечаток.

Черри прищурился:

— Отпечаток? Но у бананов нет пальцев!

— Именно, — кивнул Цуккинни. — Значит, кто-то держал эту кожуру в руке. И этот кто-то... очень любит бананы.

В этот момент в дверь заглянул старый Лук Порей, кладовщик. Его сухие листья трепетали от волнения.

— Он опять! — выдохнул Лук. — Бананас! Я видел ночью его тень у задней двери. И он нёс... мешок. Огромный. И ещё что-то блестящее.

— Блестящее? — переспросил Цуккинни, мгновенно насторожившись.

Лук Порей почесал сухую макушку:

— Ну... похоже было на фольгу. Или на обёртку от конфеты. Или на доспехи. Я не разглядел. Но мешок был тяжёлый — он его тащил, постоянно поправляя на своих опкатых плечах. А потом мешок совсем сполз на землю и он его просто утащил в неизвестном направлении.

Черри тут же записал в блокнот: «Тень. Мешок. Фольга-доспехи-обёртка. Направление. Не понятно!». Потом поднял глаза:

— Инспектор, а зачем ему столько сахара? Это же не золото, не бриллианты... даже не кетчуп!

Цуккинни Каббаччо прищурился. Его взгляд стал острым, как лезвие овощечистки.

— Вот это и есть главный вопрос, Черри. Зачем Бананасу мешок сахара? Если он не собирается печь торт на сто персон... а я сильно сомневаюсь, что он устраивает чаепитие для горожан... значит, у него есть план. И этот план слаще, чем нам всем хотелось бы.

Тень Бананаса, подобно жирному пятну на чистой скатерти, вдруг растянулась по сырому полу склада, освещённая лишь тусклым светом, пробивающимся сквозь пыльные окна. Каждый его шаг оставил за собой еле уловимый след, смешиваясь с липкими сахарными нитями, что были свидетельством его визита. Он мелькнул за окном и тут же исчез. Порей задрожал как лист на ветру.

— Этттооо ооонн! — вдруг заорал старик, тыча на окно своим сухим пальцем.

Цуккинни поднял голову, его глаза блестели решимостью.

— Он наблюдает за нами! Но у него тяжёлый мешок! Сдаётся мне, что это не просто кража, это подготовка. Сахар — это не конечная цель. Это сырьё.

— А кто вам сдаётся, шеф? — вскинул свои бровки Черри.

— Когда сдаётся? — встрепенулся Цуккинни.

— Ну, вы сказали: «сдаётся мне»..

— Черри! — рявкнул инспектор.- Это иносказательная форма!

— Ааа, — с пониманием протянул Томатто и записал что-то в свой блокнотик.- Сырьё для чего, инспектор? — спросил Черри, продолжая писать. — Может, он хочет открыть кондитерскую? Или...

— Или что-то гораздо более коварное, — прервал его Цуккинни. — Помнишь, как недавно пропала партия особого, ферментированного сахара из лаборатории доктора Оранжелло? Тот, что используется для создания... взрывчатых веществ?

Черри побледнел.

— Вы думаете, он использует сахар для создания бомбы? Но зачем ему столько?

— Не бомбы, Черри, — покачал головой Цуккинни. — Это слишком примитивно для Бананаса. Он хитрее. Он создаёт что-то, что будет гораздо более разрушительным. Что-то, что оставит после себя лишь липкий сладкий хаос. И запах страха.

Влажный воздух склада наполнился тихим ужасом.

— Не бомбы, — повторил Цуккинни, его голос звучал глухо, словно он говорил из-под земли. — Он ищет не разрушение в одно мгновение. Он ищет заражение. Что-то, что распространится, поглотит, изменит.

Он посмотрел на Черри, который всё ещё пытался уложить в голове новую, ужасающую картину. — Представь себе... сладкий, липкий яд. Который не убивает сразу, а медленно разрушает изнутри, превращая всё вокруг в свою искажённую копию, — перешёл на злое шёпот инспектор.

Черри вздрогнул.

— Но как? Как он собирается это распространять? — произнёс Томатто тоже шёпотом.

— Вот где кроется его гениальность, — продолжал Цуккинни.

Его глаза устремились к полкам со сладостями.

— Этот склад... он не просто хранилище. Это место, откуда он планирует начать. Сахар — это лишь первое звено. Дальше — вода, воздух... и всё, что окажется на его пути, будет им испачкано.

Глава 3. Подозрительный ритм... или нет?

На городской площади жители города двигались в странном ритме: кто-то топнул ногой, кто-то махнул рукой, и все это происходило в одном и том же навязчивом такте. Казалось, будто город превратился в огромный метроном.

— Это ненормально, — буркнул Цуккинни, глядя на толпу, направляясь в свой участок. — Горожане не должны двигаться так синхронно без причины.

Черри, напротив, смотрел с восторгом:

— А мне нравится! Это же новый стиль! Я бы назвал его... «сахарный дэнс»! Можно устроить фестиваль!

— Черри, — строго сказал Цуккинни. — Мы не на празднике. Мы на расследовании.

В этот момент к ним подбежал молодой Горошек, уличный репортёр. Он держал в руках блокнот и выглядел так, будто только что выпил три чашки кофе.

— Это не заговор! — выпалил он. — Это общий танец! «Танцуй, пока сладкий»! Его запустила группа активистов, которые хотят, чтобы население города больше двигалось и меньше ело сладкого!

Цуккинни моргнул:

— То есть... это не магия? Не гипноз? Не секретный план Бананаса?

— Нет, — радостно ответил Горошек. — Это просто мода. Сегодня все танцуют. Завтра будут прыгать на одной ноге. Послезавтра — петь хором. Таков путь прогресса!

Черри вздохнул:

— Значит, мы зря волновались.

— Не зря, — спокойно возразил Цуккинни. — Просто теперь мы знаем: если что-то выглядит как заговор, но пахнет модой — скорее всего, это мода. Но сахар всё ещё пропал. И это уж точно не мода.

Цуккинни огляделся, его пронизательный взгляд скользил по площади, пытаясь ухватить хоть что-то, что могло бы пролить свет на загадочное исчезновение сахара. Толпа, увлеченная своим «сахарным дэнсом», казалось, не замечала ничего, кроме ритма и движений. Но инспектор знал, что за внешней безобидностью может скрываться что угодно.

— Мода, говоришь? — пробормотал он, обращаясь скорее к себе, чем к кому-либо другому. — Пока одни танцуют, другие действуют.

Этот Горошек, хоть и молод, но очень наблюдателен. Но даже он не уловил сути.

Он подошел к краю площади, где, словно спрятанный от всеобщего внимания, стоял манящий сладостями прилавок кондитера, чьи полки вкусно пахли до умопомрачения. Цуккинни вдруг наклонился, изучая замеченные им следы на земле. Несколько крошечных, едва заметных отпечатков, словно от чьих-то маленьких ботинок, вели в узкий переулок.

— Это не дело рук детей, и не след гигантского сладкоежки, — подумал он. — Здесь замешан кто-то, кто действует тихо и незаметно, кто пользуется всеобщим хаосом для достижения своих целей.

Цуккинни бросил взгляд на Черри, который уже пытался повторить движения танцующих, и на Горошка, который записывал очередную «сенсацию» в свой блокнот.

— Позволь им танцевать и Горошку писать, — шепнул он своему помощнику. — Нам же пора искать настоящего вора, пока весь сахар не оказался у него в карманах.

С этими мыслями детектив направился в указанном следами направлении и за ним следом посеменял Черри.

Узкий переулок встретил его приглушенным полумраком и запахом сырости. Воздух здесь был гуще, чем на залитой солнцем площади, и каждый шорох отдавался эхом, словно в полупустом зале. Цуккинни шёл осторожно, его пальцы машинально касались стены, выискивая любые неровности, любые намеки на то, что кто-то недавно здесь прошёл. Отпечатки ботинок, едва различимые на утоптанной земле, становились чётче, ведя его всё дальше в лабиринт городских задворков.

Он остановился у груды старых ящиков, прислоненных к покосившемуся забору. Запах сладкой ваты, ещё недавно витавший в воздухе, здесь усилился, смешиваясь с чем-то ещё — резким, химическим. Цуккинни прищурился, пытаясь определить источник. Неужели вор решил полакомиться добычей прямо здесь? Но почему тогда так много сахара?

Внезапно он услышал тихий шорох из-за ящиков. Цуккинни замер, его рука потянулась к кобуре. Он осторожно обошел препятствие и увидел... маленькую, юркую фигурку, прижавшуюся к стене. Это был Корнишончик, местный мальчишка, известный своими проделками. В руках он держал мешок, который, судя по всему, был набит чем-то тяжёлым и сладким.

— Корнишончик?! — произнёс Цуккинни, удивляясь. — Что ты здесь делаешь?

Мальчишка вздрогнул и обернулся. Его глаза, широко раскрытые от испуга, встретились с пронизательным взглядом детектива. На его лице застыло выражение вины, но вместе с тем и какой-то решимости.

— Меня попросили просыпать сахар от лавки сеньора Тыквелло и привести вас к старому ангару, — пролепетал мальчишка. — Но я увлёкся сладостями и не успел смыться!

— Что ж, — усмехнулся Цуккинни. — Смывайся!

И Корнишончик быстро исчез за углом, бросив свой мешок со сладостями.

В мешке, кроме сахара, виднелись другие, более странные предметы — пакетики с порошками, странные бутылочки.

— Это... это не то, что мы думаем, сэр, — произнёс озабоченный Черри. Голос его дрожал. — Это не тот мешок и не тот сахар.

— Я это сразу понял, — серьёзно ответил ему шеф. — Давай-ка заглянем в ангар, раз уж мы сюда пришли.

И он смело шагнул вперёд. Черри обречённо вздохнул и отправился вслед за своим шефом.

Глава 4. Лаборатория на окраине.

Старый ангар на отшибе Овощебурга выглядел так, будто его собрали из разных обломков: ржавые бочки, доски с нечитаемыми каракулями и даже дверь, снятая, судя по всему, с распаханного холодильника. Над входом косо висела вывеска, кричащая: «Осторожно: липко!» — буквы на ней будто расплывались, как будто кто-то пытался их стереть, но только размазал ещё сильнее.

— Шеф, вы уверены, что нам стоит туда соваться? — прошептал Черри, вперив взгляд в вывеску. — А если там... ну, эта липкость уже везде? И мы прилипнем к полу и будем стоять как статуи до конца жизни?

Цуккинни молча поправил плащ и посмотрел на ангар так, словно пытался разглядеть сквозь ржавые стены все тайны Бананаса сразу.

— Абсолютно, — отрезал он. — Если Бананас что-то мутит с сахаром, он делает это именно здесь. И чем дольше мы стоим и боимся, тем больше сиропа он успеет разлить по городу.

Переодевшись в униформу доставщиков сиропа — нелепые жёлтые куртки с вышитыми «Сладкая доставка» и кепки с кленовым листком (единственное, что удалось нарыть в подсобке у входа), — они приготовились. Ткань курток подозрительно шуршала, будто была чуть липкой ещё до того, как они вошли в лабораторию.

— Запомни, — напутствовал Цуккинни, глядя Черри прямо в глаза. — Ничего не пробуй, что предложат. И ни одной бумажки не подписывай. Даже если на ней написано «Это просто опрос о вкусах».

Черри кивнул так энергично, что кепка снова сползла, но на этот раз он не стал её поправлять — будто решил, что так он выглядит менее подозрительно.

Дверь поддалась с протяжным стоном, похожим на жалобный вздох самого здания. Их окутал полумрак, пропитанный запахом жжёного сахара и чего-то едко-химического — таким резким, что у Черри заслезились глаза, а Цуккинни едва заметно поморщился.

В центре зала громоздилась неведомая машина: сплетение труб, скрипящих шестерёнок и исполинский бак с угрожающей надписью «Супер-липкость», выведенной жирными чёрными буквами. Из нескольких трубок лениво сочилась розовая жидкость, которая тут же застыла в полупрозрачные нити, похожие на застывшие леденцовые паутинки.

— Приветствуем! — велеречиво объявил Черри, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не как писк испуганного мышонка. — Мы с сиропом! Мы... это... доставляем сироп! Специально по заявке!

Из теней выступил Бананас, облачённый в плащ из банановой кожуры. Плащ шуршал при каждом движении, будто был сделан не из кожуры, а из сотен сухих листьев. За ним, словно привидение, семенил Ананассо, бросая испуганные взгляды по углам и стараясь держаться в тени.

— Сироп? — переспросил Бананас. Его глаза заблестели, но в этом блеске было что-то лихорадочное, нездоровое. — Как кстати! У нас как раз закончился. Несите сюда. Сюда, да!

Цуккинни шагнул вперёд, его голос был тих, но полон стали:

— Сперва мы осмотримся, что тут у вас происходит.

Бананас застыл. Его улыбка натянулась, как струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Ничего не происходит! — слишком быстро выпалил он. — Всего лишь... эксперимент! Ради науки! Мы улучшаем текстуру!

В этот миг Черри, потянувшись, чтобы поправить кепку, споткнулся о какой-то рычаг, торчавший из пола. Рычаг щёлкнул, и машина взревела — не как мотор, а как обиженный зверь, которому наступили на хвост.

Из трубы хлынул густой розовый пар, пахнувший малиной и чем-то едким, а по полу закатились карамельные шарики, которые тут же прилипали к доскам, к бочкам, к подошвам ботинок. По желобу полился карамельный малиновый сироп — тягучий, блестящий, он растекался всё шире, словно хотел захватить весь ангар.

— Что я нажал?! — в ужасе прошептал Черри, глядя на свои ботинки, к которым уже намертво прилипли две карамельные горошины.

— Ты не нажал, ты активировал, — мрачно ответил Цуккинни. — И, кажется, мы только что запустили «Супер-липкость» на полную мощность.

Взгляд инспектора метнулся к углу, где на крючке висела его кобура. Из неё блеснула остро отточенная овощерезка — не грозное оружие, но в умелых руках вполне способное разрезать даже самую упрямую липкость.

— Спасайтесь кто может! — внезапно взревел Бананас и вихрем метнулся к ящикам с сиропом, исчезая за ними с такой скоростью, что его плащ из кожуры взметнулся, как парус.

Ананассо тоже попытался удрать, но, поскользнувшись на лужице сиропа, увяз: его ботинки намертво приклеились к полу, а сам он нелепо взмахнул руками, будто хотел взлететь.

Его участь была решена: инспектор Цуккинни и его верный помощник Черри Томатто героически задержали незадачливого преступника. Черри, правда, сначала прилип к собственной куртке, пытаясь схватить Ананассо, но потом всё же справился, стянув куртку и бросив её на ближайшую бочку.

Пока Цуккинни аккуратно фиксировал Ананассо (используя не верёвки, а широкие полоски ткани, которые не прилипали к сиропу), Черри пытался привести себя в порядок. Он наклонился, чтобы оттереть сироп с ботинок, и случайно размазал липкую массу ещё больше.

— Ну, вот, — пробормотал он, разглядывая ботинок, который теперь блестел, как лакированный. — Теперь я буду ходить и звенеть, как карамельная погремущка.

Он потянулся за блокнотом, чтобы записать «важное наблюдение: сироп нельзя оттирать голыми руками», но стоило ему коснуться обложки, как блокнот тут же приклеился к пальцам.

— Да что ж такое! — тихо возмутился Черри. — Он даже к бумаге липнет!

— Не трогай ничего мокрыми руками, — спокойно посоветовал Каббаччо, не оборачиваясь. — И блокнот оставь. Запишешь позже.

— Но я должен зафиксировать улики! — возразил Черри.

— Улики сами никуда не денутся, — хмыкнул инспектор. — В отличие от твоих пальцев.

Черри вздохнул и осторожно положил блокнот на бочку — рядом с жёлтой курткой, которая теперь выглядела как экспонат музея «Как не надо маскироваться».

Когда Ананассо был надёжно зафиксирован, а Черри перестал пытаться отлепить всё подряд, Цуккинни подошёл к стене, где висела большая схема машины «Супер-липкость». Она была исписана формулами, стрелками и пометками вроде «добавить щепотку отчаяния» и «не трясти!».

Инспектор достал лупу и начал изучать схему, водя пальцем по линиям.

— Так... — бормотал он себе под нос. — Трубка подачи, резервуар, активатор вязкости... А вот это... интересно.

Он указал на маленький пузырёк, нарисованный рядом с основной формулой, и подпись: «Секретный ингредиент: экстракт забытого чая».

— Экстракт забытого чая? — переспросил подошедший Черри. — Это что, какой-то особый сорт?

— Скорее, метафора, — задумчиво произнёс Цуккинни. — Но в данном случае метафора работает как химия. Этот экстракт — катализатор. Он делает липкость не просто вязкой, а... прилипчивой. Надолго.

— То есть если бы мы наступили в эту штуку, мы бы прилипли и не смогли уйти? — тихо спросил Черри.

— Именно, — кивнул Цуккинни. — Не просто к полу. К месту. К ситуации. К... моменту. Как будто время тоже становится липким.

Черри поежился:

— Это жутко.

— Ещё как, — согласился инспектор. — Потому что никто не должен быть приклеен к чему-то против своей воли. Ни к полу, ни к обещанию, ни к чувству вины.

Он снял схему со стены, аккуратно свернул и убрал в папку.

— Мы заберём это как улику. И найдём, где Бананас взял этот экстракт. Потому что если он научился делать липкость, которая держит не только ботинки, но и людей, — это уже не кулинарный эксперимент. Это преступление против свободы передвижения.

На следующий день заголовки всех газет Овощебурга пестрели этим происшествием. «Сладкая катастрофа на окраине!», «Сироп захватывает город!», «Инспектор Цуккинни против Супер-липкости!». Подельника Бананаса, Ананассо, доставили в участок и заперли в самой холодной кладовке, где томились самые отъявленные злодеи — хотя в случае Ананассо «отъявленный» было, пожалуй, слишком сильным словом.

К обеду был назначен допрос. Ананассо был к нему не готов, но даже ему было ясно: от этого уже не отвертеться.

Глава 5. Допрос с пристрастием (и печеньем).

Комната для допросов в полицейском управлении была маленькой, строгой и пахла старым кофе — будто этот запах въелся в стены ещё во времена инспектора Огурцова, который, по легенде, выпивал по тридцать чашек за смену и к концу дня начинал шуршать, как сухая листва. На столе стояла чашка с остывшим тыквенным чаем и тарелка с овсяным печеньем — простым, без изюма, зато с намёком на честность: никаких лишних украшений, только суть.

Ананассо сидел напротив Цуккинни и нервно поглядывал на печенье. Его зелёный чубчик то и дело падал на глаза, и он машинально отбрасывал его, будто надеялся, что это поможет ему выглядеть чуть менее виноватым. Руки у него слегка дрожали, а на пальцах виднелись следы липкой розовой субстанции — видимо, остатки «Супер-липкости», которые он так и не смог отмыть, сколько ни тёр их о штаны.

— Итак, — начал Цуккинни, не повышая голоса. Он даже не наклонился вперёд — знал, что тишина и спокойствие пугают куда сильнее крика. — Расскажите, что строит Бананас.

Парень сглотнул так громко, что Черри, сидевший рядом с блокнотом и карандашом, даже сделал пометку: «Звук №1: нервное глотание, уровень тревоги — высокий». Потом подумал и ниже приписал: «Звук №2: подозрительный хруст — возможно, это стул, но лучше записать».

— Я... я не знаю, — выдохнул Ананассо. — Честно. Он ничего не рассказывает. Только бормочет что-то про «липкую сласть».

Каббаччо едва заметно приподнял бровь — этого хватило, чтобы Ананассо съёжился ещё на полсантиметра.

— Прилипать? — спокойно переспросил инспектор.

— Ну, да, — вздохнул Ананассо. — Он считает, что сладость — это хорошо. А если горожане будут приклеены к нему, это как будто очень крепкие объятия. Навсегда.

Черри замер, карандаш застыл над страницей. Потом он медленно перевёл взгляд с Ананассо на Цуккинни, потом обратно, будто пытался сложить из этих двух лиц какой-то новый смысл.

— То есть он хочет... приклеить весь город к себе? — тихо, почти шёпотом, уточнил он. Ананассо кивнул, глядя на тарелку с печеньем так, будто оно могло его спасти от всех бед.

— Примерно так. Он хочет, чтобы его все любили. Но... он не очень понимает, как это работает. Он думает, что если все не смогут уйти от него, они будут вынуждены его слушать. А потом... потом они поймут, какой он хороший.

Цуккинни откинулся на спинку стула, и тот тихо скрипнул, словно тоже хотел вставить своё «я же говорил».

— Любовь нельзя приклеить, — мягко сказал он. — Её можно только заслужить. Или просто дать, не ожидая ничего взамен.

Ананассо опустил глаза:

— Он мне тоже так говорил. Что я должен заслужить его доверие. Но я просто хотел помогать. А теперь... теперь я даже не знаю, правильно ли я всё делал.

Черри чуть подался вперёд, но тут же замер, вспомнив наставления Цуккинни: не давить, не торопить. Вместо этого он осторожно подвинул тарелку с печеньем чуть ближе к Ананассо — как жест доброй воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.